

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШИХ СОКРАЩЕНИЯХ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

А.С. Дьяков,¹ Т.Т. Кадышев,² Е.В. Мясников²

Можно с определенной уверенностью утверждать, что переговоры по новому российско-американскому соглашению по сокращению СНВ, которые находятся в финальной стадии, будут успешно завершены. Однако, от нового договора не следует ожидать значительных сокращений числа носителей и боезарядов, поскольку одной из его основных задач является сохранение преемственности в российско-американском процессе сокращения ядерных вооружений после того, как Договор СНВ-1 перестал действовать. Новому договору, вероятно, предстоит также продемонстрировать выполнение двумя ядерными сверхдержавами своих обязательств по статье VI Договора ДНЯО, поскольку в мае 2010 г. намечено проведение очередной обзорной конференции ДНЯО.

Ссылаясь на инициативы президентов Обамы и Медведева о полном уничтожении ядерного оружия, которые легли в основу резолюции Совета Безопасности ООН от 24 сентября 2009 года, многие эксперты полагают, что переговорная активность по дальнейшему контролируемому и необратимому сокращению ядерного оружия будет продолжена и после подписания нового договора. При этом перечень обсуждаемых вопросов не будет ограничен исключительно стратегическими наступательными вооружениями. По мнению американских экспертов, предметом переговоров должно также стать нестратегическое ядерное оружие (НЯО), которое до сих пор не охватывалось напрямую соглашениями по контролю и ограничению. На наш взгляд, Россия, основываясь на своем понимании поддержания стратегической стабильности, вряд ли согласится обсуждать вопросы НЯО без учета ядерных КРМБ большой дальности, противоракетной обороны (ПРО) и высокоточного оружия (ВТО), в которых США имеют превосходство.

Целью данной публикации является предварительный анализ этих проблемных вопросов, без решения которых продвижение к более глубоким согласованным и контролируемым сокращениям ядерного оружия вряд ли станет возможным.

Нестратегическое ядерное оружие

Для этого класса ядерных вооружений отсутствует какой-либо международный договорно-правовой механизм, требующий их контроля и сокращения. События конца 1980-х – начала 1990-х гг и принятые в 1991 году президентами Бушем и Горбачевым односторонние инициативы привели к значительному сокращению запасов нестратегического ядерного оружия в США и России. Однако, эти инициативы не имеют юридически обязывающего характера, и сокращения проводились каждой стороной на добровольных началах, без применения двухсторонних мер контроля.

Официальных данных о количестве нестратегических ядерных боезарядов нет. По оценкам неправительственных экспертов в настоящее время Соединенные Штаты имеют около 1300 ядерных боезарядов этого класса, а Россия около 3000. С одной

¹ Директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ.

² Ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ.

стороны, наличие запасов НЯО, сравнимых по количеству со стратегическими арсеналами или даже превосходящих их, в условиях, когда ядерные боеприпасы не охвачены мерами транспарентности и контроля, будет постоянно «отравлять» российско-американские отношения и тормозить кардинальное изменение их характера. С другой, сохранение запасов НЯО у России и США не останется без внимания международного сообщества. Это будет тормозить вовлечение других ядерных стран в процесс контролируемого сокращения ядерного оружия. Отсутствие контроля над НЯО будет постоянным источником сомнений у неядерных стран в приверженности США и России своим обязательствам по ДНЯО.

Однако, установление контроля над НЯО невозможно без разрешения как ряда военно-политических проблем, так и поиска и принятия весьма неординарных решений.

Российская позиция по НЯО строится с учетом общей военно-стратегической ситуации на ее границах и дисбаланса по обычным вооружениям и вооруженным силам в пользу НАТО (на западе) и Китая (на востоке). НЯО США, развернутое в Европе, рассматривается российскими военными как стратегическое, поскольку оно находится в достаточной близости от границ России. Вступление стран Восточной Европы и некоторых бывших советских республик в НАТО, а также превосходство НАТО в обычных вооружениях усиливают беспокойство России в отношении американского НЯО, размещенного в Европе, и объективно повышают значение ее НЯО в качестве противовеса. Поэтому Москва считает, что к переговорам по контролю и сокращению этого класса ядерного оружия можно приступить лишь после того, как американское НЯО будет полностью выведено из Европы. Вместе с тем нельзя исключать и того, что Россия может увязать свою готовность рассматривать вопросы НЯО с согласием стран НАТО и ЕС принять к рассмотрению российское предложение по разработке Договора о европейской безопасности.

Для Соединенных Штатов основной ролью НЯО в Европе является демонстрация надежности так называемой концепции расширенного сдерживания (extended deterrence), гарантирующей странам НАТО защиту под американским «ядерным» зонтиком. Присутствие этого оружия в Западной Европе играет и роль своеобразного «клея», обеспечивающего трансатлантическую сплоченность и солидарность. По мнению некоторых экспертов в современных условиях, с учетом мощи альянса по обычным вооружениям, необходимости в размещении американского НЯО в Европе нет, и оно должно быть оттуда выведено.

Технические сложности установления контроля над НЯО и процессом его сокращения обусловлены прежде всего тем, что это должен быть контроль непосредственно над ядерными боеприпасами, а не средствами их доставки, как это, например, осуществляется при контроле над СНВ. На практике контрольные процедуры по отношению к ядерным боеприпасам до сих пор не применялись, хотя в середине 90-х годов прошлого столетия российскими и американскими специалистами предпринимались некоторые усилия в рамках совместных программ по разработке принципиальных схем контроля их уничтожения. Основная проблема в решении данной задачи связана с обеспечением защиты чувствительной конструкторской информации и получением достаточно достоверных данных о количестве имеющихся и уничтоженных ядерных боеприпасов. Очевидно, прогресс в разработке необходимых контрольных процедур будет определяться как способностью российских и американских специалистов-ядерщиков определить наиболее подходящие технические решения и схемы контроля, так и общим уровнем доверия между двумя странами.

Развитие высокоточного оружия и сокращение ядерных вооружений

Осуществление дальнейших шагов по сокращению ядерных вооружений России и США не может происходить без учета существующих в США программ развития высокоточного оружия, обеспечивающих информационных технологий и ПРО. Эти программы вызывают возрастающие опасения в России в отношении их влияния на выживаемость российских стратегических ядерных сил. Некоторые российские эксперты полагают, что существующие технические характеристики высокоточного оружия США уже позволяют использовать его для уничтожения объектов стратегических ядерных сил. Их опасения усиливаются и в связи с тем, что США предполагают использовать высокоточное оружие для решения ряда задач, которые ранее планировалось решать с применением ядерного оружия. Хотя перед российской военной промышленностью и ставится задача развития высокоточных вооружений, выделяемые на ее решение бюджетные средства несопоставимы с теми, что расходуются на программы по развитию ВТО в США. Так что существующий дисбаланс между США и Россией в ВТО будет в перспективе лишь усиливаться. По этой причине ВТО способно оказаться одним из главных препятствий на пути осуществления глубоких сокращений ЯО.

По мнению российских аналитиков наибольшую угрозу для выживаемости российских СЯС могут представлять стратегические вооружения в обычном оснащении, обладающие скрытностью или сравнительно коротким временем достижения целей. К таковым можно отнести оснащенные неядерными боеголовками МБР, БРПЛ, КРМБ и КРВБ большой дальности, а также мощные авиабомбы и управляемые ракеты, которые могут доставляться тяжелыми бомбардировщиками и тактической авиацией ВВС и ВМС США при развертывании вблизи российских границ.

В какой-то степени проблему возрастающего контрсилового потенциала ВТО можно было бы решить, развивая существующие подходы и решения в области контроля над вооружениями.

В частности, Договор СНВ-1 содержал ограничения и на неядерные стратегические вооружения. Как известно, согласно этому Договору разрешенные уровни стратегических носителей – МБР, БРПЛ и ТБ – подсчитывались вне зависимости от того, какое вооружение они несли – ядерного или обычного типа. То же самое относилось и к правилам подсчета боезарядов МБР и БРПЛ. Также как и ядерные, неядерные стратегические носители были охвачены мерами контроля и транспарентности, и на них распространялись ограничения СНВ-1. Было бы целесообразным сохранить эти положения в новом договоре и дополнить их более интрузивными мерами транспарентности.

Было бы также желательным ввести ограничения и на развертывание высокоточных вооружений, не охваченных ранее мерами контроля. К примеру, можно было бы ввести запрет на базирование ударной авиации на территории новых членов НАТО. Аналогичные обязательства могли бы быть приняты Россией в отношении ее союзников по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и СНГ. Представляется также важным ограничить районы патрулирования подводных лодок – носителей крылатых ракет, чтобы предотвратить возможность развертывания значительной части подводных лодок США вблизи территории России и наоборот. Подобный шаг дал бы возможность решить и другие проблемы, которые ранее поднимались Россией на переговорах по СНВ, – запрещение скрытной противолодочной деятельности в районах развертывания и патрулирования ПЛАРБ, предотвращение столкновений атомных подводных лодок.

Меры по ограничению и контролю над ВТО способны существенно снизить российские опасения в ближайшем будущем. Но до тех пор, пока взаимное ядерное сдерживание остается основой военных доктрин США и России, фактор ВТО будет лишь усиливаться по мере более глубоких сокращений ядерного оружия.

Противоракетная оборона

Влияние противоракетной обороны на стратегическую стабильность признается практически всеми в российском экспертном сообществе. Российская сторона настаивает на включение положения о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений в текст нового договора который должен заменить СНВ-1.

Российских военных беспокоят американские планы развертывания глобальной ПРО. Это беспокойство основано как на известных возможностях уже имеющихся и планируемых для размещения средств ПРО США, так и на перспективах их дальнейшего развития и наращивания.

Естественно, что односторонние действия США по развитию ВТО и созданию ПРО как открытой системы, предполагающей ее качественное и количественное совершенствование, интегрирование с информационными средствами наземного, морского, воздушного и космического базирования и системами боевого управления, отнюдь не способствуют сокращению ядерных вооружений России. Скорее, они способны спровоцировать обратное.

Отметим, что замена Соединенными Штатами принятых предыдущей администрацией планов по развертыванию элементов ПРО в Польше и Чехии сняла остроту восприятия российской стороной этих проектов, и на время приглушило кризис в отношениях России и США по этому вопросу. Предусмотренное первой фазой нового плана размещение систем THAAD и Aegis в том числе в непосредственной близости от границ Ирана в значительно большей степени соответствуют заявленным целям нейтрализации угрозы от иранских баллистических ракет. В то же время, этот новый четырехэтапный «адаптивный» план построения ПРО США в Европе предусматривает развертывание к 2020 г. системы, способной перехватывать в том числе и межконтинентальные баллистические ракеты. По признанию самих американцев, новая система будет более совершенной и эффективной в том, что касается перехвата баллистических ракет большой дальности. В этой связи планы США по дальнейшему развитию систем противоракетной обороны в Европе должны стать предметом обсуждений на следующем этапе сокращений ЯО.

Чтобы предмет обсуждения не стал камнем преткновения, имеет смысл воспользоваться нынешней позитивной ситуацией для возобновления тех усилий по укреплению мер доверия и развитию сотрудничества в области противоракетной обороны, которые неоднократно декларировались за последние 10 лет.

Важным шагом в этом направлении могли бы стать работы по совместной оценке возможностей третьих стран в области создания баллистических ракет с тем, чтобы выработать общую точку зрения на возникающие угрозы. В частности, этому способствовало бы открытие Центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомлениями о пусках ракет, договоренность о создании которого существует с 2000 г. Благодаря такому центру стороны могли бы обмениваться данными о пусках баллистических ракет третьими странами.

Этим целям способствовало бы и совместное использование Габалинской и Армавирской РЛС для отслеживания и сопровождения запусков ракет с южного направления. Учитывая возможности стран этого региона (Ирана, Индии,

Пакистана) по созданию баллистических ракет, такой шаг со стороны Москвы можно было бы считать оправданным как с точки зрения обеспечения безопасности России, так и для развития сотрудничества в этой области с США и Европой. В то же время для США и Европы это означало бы значительное усиление возможностей по обнаружению и отслеживанию пусков с интересующего их направления. В перспективе такое сотрудничество могло бы перейти на новый уровень в виде создания совместной системы ПРО Европы под объединенным командованием.

Еще одним возможным шагом в направлении развития сотрудничества могло бы быть возобновление проекта РАМОС (Russian-American Observation Satellites), прекращенного в 2005 г. по инициативе американской стороны. В основе проекта лежал принцип стереоскопической съемки одного и того же объекта в атмосфере (или на поверхности) Земли двумя спутниками – российским и американским. Участники проекта занимались наблюдением за пусками баллистических ракет и их сопровождением с целью создания банка данных, который мог быть использован для обнаружения запущенных баллистических ракет по демаскирующим признакам. США вышли из этого проекта под предлогом опасности утечки чувствительных технологий. Представляется, однако, что данный фактор был использован в качестве предлога, и в нынешних условиях, в случае достижения соглашения о совместных работах в области наземной ПРО, работы по проекту РАМОС (или другому аналогичному проекту) могли бы послужить началом создания совместной космической системы предупреждения о ракетном нападении.

Наряду с сотрудничеством в военной сфере сторонам следует также предпринимать совместные усилия дипломатического характера для ограничения и недопущения ракетных угроз как в рамках международных режимов (РКРТ и другие инициативы), так и работая непосредственно со странами, от которых эти угрозы могут исходить.

* * *

В заключение отметим, что взаимодействие России и США по поиску комплексных решений обозначенных выше проблем позволит не только создать условия для дальнейшего этапа сокращений к более низким количественным уровням их ядерных арсеналов, но и осуществить трансформацию отношений между двумя странами от конфронтационных к доверительным партнерским, что в свою очередь будет способствовать уходу от ядерного сдерживания в их двухсторонних отношениях.

3 февраля 2010 г.